

Андрей
ВАЛЕНТИНОВ

АРГЕНТИНА

Книга 3

КЕЙДЖ

Харьков
«Фоліо»
2017

Испанская fuga

Подражание Паулю Целану

Серый пепел заката — мы дышим им вечером,
мы дышим им утром и днем, мы дышим им ночью,
мы дышим им, дышим,
мы сыпем его в могилы, лежать в нем покойно,
червь находит счастье в земле,
свободен путь для штурмовых колонн,
над всей Испанией — безоблачное небо.

Бомбы слепы и глухи, они падают на Мадрид в полночь,
красная планета Аргентина, небо разверзлось,
мы кричим беззвучно, прощайте, камни соборов,
небо разверзлось, они летят навстречу земле,
бомбы — всегда панацея,
радость, дивной искрой Божьей ты слетаешь с небес.

Свободен путь для штурмовых колонн,
четыре идут на город, пятая ждет,
червь в земле находит счастье,
прости нас всех, Мадрид,
пленные копают могилы,
серый пепел заката, в нем лежать покойно,
ставят к стене, приказ отдают:
в круг сольемся братский, тесный,
этот круг — весь Божий свет,
прощайте, камни соборов,
Европе нет дела, она шьет саван.

Серый пепел заката — мы дышим им ночью,
мы дышим им утром и днем, мы дышим им вечером,

мы дышим им, дышим,
над всей Испанией — безоблачное небо.

Свободен путь для штурмовых колонн,
бомбы слепы и глухи,
они падают в полночь, небо разверзлось,
прощание с Каталонией,
алонз анфан де ля патри,
мы кричим беззвучно, прощайте, камни соборов,
красная планета Аргентина,
твой грязный саван, Европа,
мы сыпем пепел в могилы, лежать в нем покойно,
червь находит счастье в земле.

Четыре колонны идут на город.
мертвые танцуют танго, красная планета Аргентина,
глубже втыкайте лопаты,
червь находит счастье в земле,
в круг сольемся братский, тесный,
этот круг — весь Божий свет.

Серый пепел заката — мы дышим им ночью,
мы дышим им утром и днем, мы дышим им ночью,
мы дышим им, дышим,
бомбы слепы и глухи, красная планета Аргентина,
твой грязный саван, Европа,
бомбы падают в полночь, безоблачное небо,
прости нас всех, Мадрид.

Франция — серые пуалю, серый пепел,
алонз анфан де ля патри,
алонз анфан,
могила усыпана пеплом, мягко там и покойно,
червь находит счастье в земле.

Серый пепел заката — мы дышим им ночью,
мы дышим им днем, повсюду наши флаги,
Каталония и Наварра,
алонз анфан,
мы дышим им вечером, утром,
мы дышим им, дышим,
червь в земле находит счастье,

четыре колонны идут на город, прощайте,
встретят свинцовою пулей, ее не оспоришь,
червь находит счастье в земле,
алонз анфан,
бомбы слепы и глухи, красная планета Аргентина,
над всей Испанией — безоблачное небо,
могила усыпана пеплом, бомбы падают в полночь,
и мы видим во сне, что повсюду флаги,
и что свободен путь для штурмовых колонн,
четыре идут на город, пятая ждет,
безоблачное небо.

Красная планета Аргентина,
твой грязный саван, Европа!¹

¹ Время действия книги — осень 1936 года. «Аргентина» — произведение фантастическое, реальность, в нем описываемая, лишь отчасти совпадает с нам привычной. Автор сознательно и по собственному усмотрению меняет календарь, географию, судьбы людей, а также физические и прочие законы. Исследование носит художественный, а не исторический характер.

Глава 1

Ночь и туман

Сын колдуна. — Грузовой причал. — Кажун. — Паранойя. — Бродяга. — Та-та-та! Ту-ту-ту! — Выстрел в висок. — Руди. — «Чума на оба ваши дома! Я пропал». — Утреннее небо.

1

Ночь — что стекло в белесой дымке фар. Цвета исчезли под холодным светом, и мухой в прибалтийском янтаре авто в ночи завязло. На пределе ревел мотор, и черные деревья летели вдаль, но двигалась дорога, не «мерседес»¹. Стекло не выдержало, навечно утопив в своих глубинах, не отпускал, размазывая в плоскость машину и людей. И верх, и низ исчезли. «Тогу богу»², как сказано в Писании. Аминь! Под веками все то же, лишь огонь меняет цвет и подступает ближе.

Спасенья нет, пусть не твоя вина, что ты родился сыном колдуна.

* * *

Гауптштурмфюрер СС³ Харальд Пейпер мельком позавидовал сидевшему за рулем Хуппенкотену. Для сына юриста ночь — всего лишь ночь, огонь — электричество, их позднее путешествие — обычное служебное задание.

— Скучновато, — чуткий Хуппенкотен отреагировал на взгляд. — Радио, что ли, включить?

¹ Все упоминаемые в тексте автомобили, мотоциклы, самолеты, фотоаппараты, бытовые приборы и образцы оружия не более чем авторский вымысел.

² Правильнее «Тоху боху» или «Тоху ва боху», но автор использует привычный «старый» вариант.

³ Автор не разбирается ни в званиях, ни в униформе, ни в истории Schutzstaffel — и не желает разбираться.

Протянув руку, щелкнул пластиковым переключателем, повернул, ловя волну. Разбуженный радиоприемник обиженно захрипел, и Харальд Пейпер бросил еще одну монетку в невидимую копилку. Две! Напарник, всего лишь унтерштурмфюрер, из новоиспеченных, обратился, не упомянув звания, словно к другу-приятелю. И разрешения не спросил. Мелочь, но прежде отпрыск адвоката из маленького Опладена такого не позволял, именуя командира даже не по званию — «шефом». Был шеф, да весь вышел, утонул, мухой в янтаре. И чтобы заметить это, не надо быть потомственным колдуном.

...Шварцкольм, твердыня сорбов, отчий дом. Потом он станет немцем — но потом.

Ему — тринадцать лет, и Катарине-соседке столько же. Первая любовь, внезапная и обреченная, как слишком рано проклюнувшийся мартовский подснежник.

В ее глазах — холодный зимний свет. Слова — снежинки. И надежды нет.

— Ты очень хороший парень, Гандрий, но нам нельзя видеться. Все вы, Шадовицы, колдуны, с вами знаться — нечистому поклонны класть. Не приходи больше.

Тринадцать лет... Он бы не удержался, заплакал, но Катарина внезапно обняла, прижалась щекой к щеке...

Весна настанет, и весна пройдет. Промчались годы, но на сердце — лед.

Когда выбрали имя для дочки-одуванчика, он постарался, чтобы жена сама предложила уважить богатую, но скупую тетку, Катарину-Елизавету. Не слишком трудно — простой этюд для разведчика-новичка. Гандрий Шадовиц, давно уже ставший Харальдом Пейпером, новичком отнюдь не был.

Жена учила Одуванчика французскому, он же, наплевав на конспирацию, родному сорбскому.

— Katarina, i neka izache sa tajnim jezikom! Samo za tebe i mene?¹

— Tvoja tajna jezika? — дочь сдвинула светлые бровки. — Nochu da!

¹ Здесь и ниже автор использует не язык сорбов (лужицких сербов), а родственный ему сербохорватский, как более понятный читателю. Герой предлагает дочери изучить «тайный» язык. Та не против.

А совсем недавно он попытался спросить Одуванчика о зеленом свете под веками. Очень осторожно, чтобы не напугать.

...Стекло, огонь, машина, зелень, ночь. О Боге он не думал, вспомнил дочь...

— Ага, наконец-то!

Радиоприемник, отхрипев и отмяукав, разразился веселым русским фокстротом.

Dunja, ljublju tvoi bliny,
Dunja, tvoi bliny vkusny,
V tvoih blinah ogon' i nezhnij vkus,
Tvoih blinov s'est' mnogo ja berus'.

— Peter Leshhenko, — вставил свое сын юриста. — Славянин, а слушать приятно. Говорят, среди его предков — римляне, так что неудивительно. Интересно, о чем он поет?

И снова ни «шефа», ни «гауптштурмфюрера». Харальд Пейпер предпочел промолчать, хотя русский знал неплохо, а с Петром Константиновичем Лещенко был знаком не первый год.

Dunja, davaj blinov s ognja,
Dunja, celuj sil'nej menja!

Не выдержал — и прикрыл веки, погружаясь в пропитанную зеленым огнем пучину. «...Все вы, Шадовицы, колдуны, с вами знаться — нечистому поклоны класть».

В зеленой бездне не найдешь угла. А Смерть гналась за ним — и догнала.

2

От трапа уцелели три мокрые ступеньки, остальное съел туман. Белесая стена, подсвеченная желтым огнем прожектора, заслонила и близкий причал, и лежащий за ним город. Ни моря, ни земли, ни неба, лишь стылая, дышащая холодной сыростью вата. Даже Мать-Тьма отступила, отдавая мир неясному колышущемуся сумраку. Хочешь — ныряй прямо с головой, хочешь — отступай, прячься в привычном полумраке маленькой каюты...